

Джонатан Франзен
Свобода

Jonathan Franzen
Freedom

Джонатан Франзен

Свобода

Перевод с английского
Дарьи Горяниной и Валентины Сергеевой

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)
Ф83

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии издательства АСТ

Франзен, Дж.

Ф83 Свобода: роман / ДЖОНАТАН ФРАНЗЕН; пер. с английского Д.ГОРЯНИНОЙ, В.СЕРГЕЕВОЙ. — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 672 с.

ISBN 978-5-271-38197-3 (ООО “Издательство Астрель”)

История героев “Свободы” Патти и Уолтера Берглунд отражает опыт целого поколения, которое пережило 11 сентября, вторжение в Ирак, экономический кризис — и выбрало президентом Барака Обаму.

В романе, блистательно воскрешающем традиции большой прозы 19-го века, Джонатан Франзен размышляет о том, возможна ли свобода выбора, знаем ли мы, к чему стремимся, когда хотим свободы, и о том, как легко мы жертвуем своими близкими ради ее призрака.

Предыдущий роман Франзена “Поправки” (2001), удостоенный Национальной книжной премии США, поставил писателя в один ряд с классиками американской литературы и принес ему мировую известность. “Свобода” — столь же язвительный и мудрый взгляд на семью в современной Америке. Но если в “Поправках” конфликт поколений так и остается неразрешенным, новый роман — это история о детях, которые победили отцов и не стали от этого счастливее.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-271-38197-3 (ООО “Издательство Астрель”)

2010 by Jonathan Franzen. All rights reserved

- © Д. Горянина, перевод на русский язык, 2011
 - © В. Сергеева, перевод на русский язык, 2011
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2011
 - © ООО “Издательство Астрель”, 2011
- Издательство CORPUS ®

Сьюзан Голомб и Джонатану Галасси

*Ступайте,
Счастливицы, вместе! Радость вашу всем
Дарите вы! Я ж, старая голубка,
Укрывшись в обнаженных ветках, буду
Одна навек потерянного друга
Оплакивать до гроба¹.*

Уильям ШЕКСПИР
“Зимняя сказка”

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

Местная печать ничего не сообщала об Уолтере Берглунде — они с Патти уже два года как переехали в Вашингтон и больше не интересовали Сент-Пол, — но обитатели Рэмзи-Хилл были не настолько преданы своему городу, чтобы не читать “Нью-Йорк таймс”. Из длинной и нелестной статьи следовало, что в Вашингтоне Уолтер изрядно навредил своей карьере. Соседи не узнавали в описании Уолтера (газета называла его “надменным”, “зарвавшимся” и “нравственно ущербным”) великодушного, улыбчивого, легко краснеющего сотрудника “3М”¹, который даже под февральским снегом разъезжал на своем велосипеде по Саммит-авеню. Казалось невероятным, что Уолтера, который родился в сельской местности, а экологичностью взглядов перещеголял бы сам Гринпис, могут обвинять в незаконных махинациях с угольной промышленностью и в обмане сельских жителей. С другой стороны, в Берглундах всегда было что-то странное.

Уолтер и Патти были первопроходцами Рэмзи-Хилл — первыми выпускниками, купившими дом на Барьер-стрит с тех пор, как старая гвардия Сент-Пола тридцать лет назад сда-

1 “Миннесота майнинг энд мэнюфэччеринг” — инновационная компания, занимающаяся производством товаров для медицины и многих других отраслей.

лась под тяжестью времен. За этот викторианский дом они заплатили копейки и потом десять лет вкалывали, приводя его в порядок. Все началось с того, что кто-то очень целеустремленный поджег их гараж и, прежде чем Берглунды успели его отстроить, дважды влез к ним в машину. После полуночи на пустующем участке напротив их дома устраивались загорелые байкеры, чтобы выпить пива, поджарить чесночные сосиски и пореветь моторами, пока Патти не выйдет из дому в тренировочных штанах и не скажет им: “Знаете что, парни, шли бы вы отсюда”. Ее вид вряд ли мог кого-то напугать, но годы занятий спортом воспитали в ней присущее спортсменам бесстрашие.

С первого же дня стало понятно, что Патти не похожа на других. Высокая, слишком молодая женщина с завязанными в хвост волосами катала коляску по улице, полной ободранных автомобилей, битых пивных бутылок и заблеванного талого снега. Казалось, что авоськи, висевшие на ручках коляски, были набиты долгими часами ее дней. Позади были детско-хлопотные приготовления к утру, состоящему из беготни по детско-хлопотным делам, впереди — день, заполненный радио, готовкой, пеленками, шпаклевкой и эмульсионной краской, а потом — “Доброй ночи, луна”¹ и калифорнийское вино. Патти олицетворяла собой перемены, медленно овладевавшие улицей.

В те времена, когда еще можно было, не стесняясь, водить “вольво-240”, жители Рэмзи-Хилл сообща стремились вернуть себе те навыки, ради утраты которых наши родители переселились из городов в провинцию. Как убедить местных копов выполнять свою работу? Как уберечь свой велосипед от крайне целеустремленного вора? Как выгнать пьяницу, расположившегося у вас в саду? Как заставить бродячих котов гадить не в вашей песочнице? Как определить, достигла ли местная государственная школа той степени дерьмовости, когда

1 Классическая детская книга Маргарет Уайз Браун, которую вот уже пятьдесят лет читают детям перед сном.

уже не стоит пытаться что-то изменить? Были и более современные вопросы — например, вопрос тканевых подгузников. Стоит ли с ними возиться? Правда ли, что молоко по-прежнему развозят в стеклянных бутылках? Все ли в порядке с бойскаутами с политической точки зрения? Так ли уж необходим организму булгур¹? Куда сдавать севшие батарейки? Что ответить темнокожей нищенке, обвиняющей вас в том, что вы уничтожили ее район? Правда ли, что в глазури посуды фирмы “Фиеставэр” содержится опасное количество свинца? Насколько навороченным должен быть кухонный фильтр? Случалось ли у вас такое, что ваш “вольво” не реагировал на нажатие кнопки овердрайва? Давать попрошайкам еду или вообще ничего? Возможно ли вырастить необычайно уверенных в себе, счастливых, успешных детей, работая полный рабочий день? Можно ли молоть кофе накануне вечером, или это надо делать по утрам? Был ли у кого-нибудь в истории Сент-Пола позитивный опыт общения с кровельщиком? Где найти хорошего механика для “вольво”? Нет ли у вашего “вольво” проблем с тросиком? На передней панели есть какой-то выключатель с загадочной наклейкой, который так пошведски убедительно щелкает, но, кажется, ни к чему не подключен, — *зачем* он нужен?

У Патти Берглунд, этой дружелюбной пчелки, радостной переносчицы социокультурной пыльцы, всегда был ответ на любой вопрос. Она принадлежала к малому числу неработающих матерей Рэмзи-Хилл и прославилась своей неспособностью говорить хорошо о себе или плохо — о ком-нибудь другом. Она утверждала, что одно из подъемных окон, на которых она заменила крепления, однажды ее “обезглавит”. Ее дети “навверняка” умирали от трихинеллеза, потому что она недостаточно прожарила свинину. Она подозревала, что ее “пристрастие” к запаху растворителя для красок могло быть связано с тем, что она больше “никогда” не читает книг. Она

1 Булгур — разновидность пшеничной крупы.

доверительно сообщала, что после “того случая” ей “запрещено” удобрять цветы Уолтера. Некоторым подобное самоуничижение было не по нраву — они видели в нем род снисхождения, как если бы Патти, преувеличивая свои недостатки, чересчур очевидно пыталась утешить менее одаренных домохозяек. Но большинство считали ее скромность искренней или, по крайней мере, забавной, да и в любом случае сложно устоять перед женщиной, которую так любят ваши дети и которая помнит не только их дни рождения, но и ваш и поздравляет вас блюдом печенья, открыткой или букетом ландышей в вазочке из магазина дешевых товаров, которую любезно предлагает не возвращать.

Было известно, что Патти выросла на востоке страны, в пригороде Нью-Йорка, и получила одну из первых женских баскетбольных стипендий в Миннесоте, где, согласно табличке в кабинете Уолтера, вошла во второй состав сборной США. Учитывая то, как сильно Патти была привязана к своей семье, казалось странным, что никакой тяги к корням у нее не наблюдалось. Она годами не выезжала за пределы Сент-Пола, и не похоже было, чтобы кто-то приезжал к ней с востока, даже родители. Если спросить ее в лоб, она отвечала, что ее родители помогли многим людям, что ее отец — адвокат в Уайт-Плэйнс, мать занимается политикой, да, член законодательного собрания штата Нью-Йорк. Затем она энергично кивала и как бы подводила черту, давая понять, что тема исчерпана:

— В общем, этим они и занимаются.

Можно было бесконечно пытаться заставить Патти признать, что кто-то дурно себя ведет. Когда ей рассказали, что Сет и Мерри Полсен устраивают для своих близняшек пышную вечеринку в честь Хеллоуина и демонстративно пригласили туда всех соседских детей, кроме Конни Монаган, Патти всего лишь заметила, что это очень “странно”. Когда они с Полсенами столкнулись на улице, те объяснили, что они все лето пытались заставить мать Конни Монаган, Кэрол, не бросать бычки из окна спальни в их детский бассейн.

— Очень странное поведение, — согласилась Патти, покачивая головой, — но ведь Конни в этом не виновата.

Полсенов, однако, не удовлетворило это определение. Они бы предпочли “социопатичное”, “агрессивное” — словом, *плохое*. Они хотели, чтобы Патти, говоря о Кэрол Монаган, употребила один из этих эпитетов, но Патти была не способна продвинуться дальше “странного”, и Полсены отказались включить девочку в список приглашенных. Патти так рассердила эта несправедливость, что она в день вечеринки отвезла своих детей, Конни и их одноклассника на тыквенную ферму, где они катались в грузовике с сеном. Но худшим, что она сказала о Полсенах, было то, что ей кажется странной их злоба по отношению к семилетней девочке.

Кэрол Монаган была единственной матерью на Барьер-стрит, появившейся там примерно тогда же, когда и Патти. Она попала туда по своеобразной программе патронажного обмена после того, как забеременела от своего высокопоставленного начальника в Хеннепине, который поспешил выслать ее из своего округа. К концу семидесятых в городах-близнецах¹ осталось не так много мест, где посчитали бы хорошим тоном содержать на балансе госучереждения мать незаконного ребенка шефа. Кэрол сделалась одной из рассеянных, по долгу обедающих сотрудниц городского бюро лицензий, а какая-то залетка из Сент-Пола получила ее должность на другом берегу реки. Соседний с Берглундами дом на Барьер-стрит, видимо, был частью сделки: иначе сложно было объяснить, почему Кэрол согласилась жить в подобном бараке. Летом к ней раз в неделю после захода солнца на джипе неизвестной марки приезжал пустоглазый подросток в комбинезоне Департамента озеленения и проходил по лужайке га-

1 *Города-близнецы* — Миннеаполис и Сент-Пол, два крупнейших города штата Миннесота. Они расположены так близко друг к другу, что постепенно фактически слились в единое целое, юридически оставаясь независимыми муниципальными образованиями. Миннеаполис стоит на правом берегу реки Миссисипи, а Сент-Пол — на левом.

зонокосилкой. Зимой тот же подросток появлялся, чтобы убрать снег с дорожки.

К концу восьмидесятых дом Кэрол оставался единственным неухоженным домом квартала. Она курила “Парламент”, обесцвечивала волосы, красила свои длинные ногти в кричащие цвета, кормила дочь переваренными полуфабрикатами и поздно возвращалась домой по четвергам (это мамочкин выходной, говорила она, как будто свой выходной был у каждой матери), бесшумно открывая дом Берглундов выданным ей ключом и забирая с дивана спящую Конни, заботливо укутанную одеялом. Патти проявляла безграничную щедрость, предлагая Кэрол присмотреть за Конни, пока та работала, ходила по магазинам или занималась своими четверговыми делами, и в результате Кэрол стала полностью зависеть от соседки. Патти не могла не видеть, что в ответ на ее щедрость Кэрол полностью игнорирует ее дочь Джессику, непомерно нянчится с ее сыном Джоуи (“Еще один маленький чмок!”) и, одетая в прозрачные блузки и туфли на высоченных каблуках, липнет к Уолтеру во время соседских собраний, превознося его домохозяйственные доблести и раздражаясь хохотом в ответ на каждое его замечание. Но худшее, что Патти позволяла себе сказать о Кэрол на протяжении долгих лет, — это что одиноким матерям приходится нелегко, и если Кэрол порой вела себя странно, то это, должно быть, из гордости.

С точки зрения Сета Полсена, слишком часто, по мнению его жены, упоминавшего Патти, Берглунды относились к виноватым либералам, испытывающим потребность прощать всех и вся, чтобы получить прощение за свою счастливую судьбу; им не хватало смелости пользоваться тем, что им было дано. В теорию Сета не укладывался тот факт, что Берглундам ничего особенного дано не было: единственным их активом был дом, который они перестроили собственными руками. Другую брешь в теории указала Мерри Полсен: Патти не была особенно прогрессивной и уж точно не являлась феминисткой (целыми днями торчала дома и пекла свои чер-

товы именованные печенюшки, сообразуясь с календарем), а политика вызывала у нее явное отторжение. Если упомянуть при ней выборы или какого-нибудь кандидата, она теряла свое обычное дружелюбие, начинала нервничать, чрезмерно кивать и поддакивать.

Мерри, которая была на десять лет старше Патти и выглядела ровно на свой возраст, в прошлом активно участвовала в деятельности студенческого демократического общества в округе Мэдисон, а в настоящем активно увлекалась “Божоле Нуво”. Когда Сет за ужином в третий или четвертый раз упомянул Патти, Мерри приобрела цвет своего любимого вина и объявила, что в мнимом дружелюбии Патти Берглунд *нет* признаков развитого самосознания, *нет* солидарности, *нет* никакой политической подоплеки, *нет* гибкости и *нет* ни малейшего следа коммунитаризма, что сама она — не более, чем отсталая домохозяйка. Если уж говорить начистоту, то Мерри уверена, что под приторной оболочкой скрывается жесткая, эгоистичная, соперническая и рейгановская натура. Ведь очевидно, что Патти полностью сосредоточена на детях и доме и ей наплевать на своих соседей, на бедных, на страну, на родителей и даже на собственного мужа.

Патти действительно была полностью сосредоточена на собственном сыне. Хотя Джессика давала больше поводов для гордости — по уши в книгах, обожает животных, играет на флейте, незаменима на футбольном поле, популярная нянька, не настолько хорошенькая, чтобы ее это испортило, и даже у Мерри Полсен вызывает только восхищение, — у Патти с языка не сходил Джоуи. В своей доверительно-хихикающей самоуничижительной манере она вываливала на собеседника тонны подробностей о том, как им с Уолтером трудно приходится с сыном. Большинство ее историй состояли из жалоб, но никто не сомневался, что она обожает мальчика. Она походила на женщину, жалующуюся на своего убудочного красавца мужа. Как если бы она гордилась тем, что он разбивает

ей сердце, как если бы ее готовность к этому была главным, единственным фактом, который она хотела сообщить человечеству.

— Он меня доконал, — не раз сообщала она на протяжении долгой зимы Постельных Войн, когда Джоуи утверждал свое право ложиться одновременно с Уолтером и Патти.

— Капризничает? Плачет? — спрашивали ее остальные матери.

— Шутите? — говорила Патти. — Я была бы *счастлива*, если бы он плакал. Плач — это нормально, к тому же любой плач когда-нибудь заканчивается.

— Так что же он делает? — спрашивали матери.

— Он проверяет нас на прочность. Мы заставляем его выключить свет, но он стоит на том, что не должен отпрапляться спать, пока не ляжем спать мы, потому что он ничем от нас не отличается. Клянусь Господом, как будильник, каждые четверть часа! Он, видно, лежит с часами в руках, следит, чтобы прошло ровно пятнадцать минут, и тогда кричит: “Я не сплю! Я еще не сплю!” Таким презрительным, саркастичным тоном... очень странно. И я умоляю Уолтера не вестись на это, но поскольку уже без четверти двенадцать, Уолтер направляется в комнату Джоуи... И они в очередной раз спорят о разнице между детьми и взрослыми и о том, демократия у нас в семье или благонамеренная диктатура, пока я — я! — не сдаюсь. И я уже из кровати, представляете, кричу им: “Все, стоп, прекратите!”

Мерри Полсен не развлекали подобные рассказы. Позже, загружая оставшуюся после ужина посуду в посудомойку, она отметила, что нет ничего удивительного в том, что Джоуи не знает разницы между детьми и взрослыми — его собственная мать, кажется, не знает, к какой из этих категорий себя отнести. Заметил ли Сет, как в ее историях видно, что дисциплина всегда исходит от Уолтера, как если бы Патти была безучастной наблюдательницей с единственной задачей — быть милой?

— Интересно, любит ли она еще Уолтера, — оптимистично пробормотал Сет, открывая последнюю бутылку. — Физически, я имею в виду.

— Она все время намекает, что у нее выдающийся сын, — сказала Мерри. — Вечно жалуется, что он чрезмерно на всем концентрируется, слишком подолгу занимается одним и тем же.

— Ну, честно говоря, потому-то он такой и упрямый, — заметил Сет. — Терпеливо оспаривает авторитет Уолтера.

— Она вечно им хвалится.

— А ты разве никогда не хвалишься? — поддел ее Сет.

— Возможно, — ответила Мерри. — Но я хотя бы имею минимальное представление о том, как это звучит со стороны. И моя самооценка не строится на уникальности наших детей.

— Ты великолепная мать.

— Великолепная мать — это Патти, — ответила Мерри, подливая себе вина. — Я всего лишь очень хороша.

Патти жаловалась, что Джоуи все дается слишком легко. Он был прелестным белокурым мальчиком и, казалось, знал ответ на любой вопрос, который ему задавали в школе, как будто бесконечные последовательности ответов А, В и С в тестах были прописаны у него в ДНК. Он с поразительной легкостью общался с соседями в пять раз его старше. Когда в школе или в бойскаутской группе ему поручали распространять конфеты или лотерейные билеты, он честно признавался, что продает абсолютное дерьмо. Замечая у других детей игрушки или игры, которых ему не покупали, Джоуи пускал в ход особую неприятно снисходительную улыбку. Чтобы только не видеть этой улыбки, друзья насильно впихивали ему свои приобретения, и он стал профи в видеоиграх, хотя родители недолюбливали их, а также приобрел глубокие познания в рэпе и хип-хопе, от которых родители тщились уберечь его юные уши. В возрасте одиннадцати-двенадцати лет он, по рассказам Патти, за ужином случайно или намеренно назвал отца “сынок”.

— Что с Уолтером было!.. — рассказывала она остальным матерям.

— Все подростки сейчас так друг с другом разговаривают, — сказали матери. — Это все из рэпа.

— Джоуи так и сказал, — ответила Патти. — Он сказал, что это всего лишь слово, и даже не дурное слово. И разумеется, Уолтер позволил себе с ним не согласиться. А я сижу и думаю — Уол-тер, Уол-тер, не на-чи-най, это все бес-смыс-ленно, но нет, он же должен объяснить, ведь, скажем, “мальчик” — это не дурное слово, а к взрослым все равно нельзя так обращаться, особенно к черным. Основная проблема Джоуи в том, что он отказывается видеть различия между взрослыми и детьми, и в результате Уолтер заявляет, что Джоуи не получит сладкого, а тот отвечает, что он и не хочет, что он, в общем, не особенно и любит сладкое, а я сижу и думаю — Уол-тер, Уол-тер, не на-чи-най. Но Уолтер же не может остановиться, он должен доказать, что на самом деле Джоуи обожает сладкое. Но Джоуи не соглашается ни с чем из того, что говорит Уолтер. Он врет напропалую, конечно, но утверждает, что ест сладкое только потому, что так принято, а не потому, что ему нравится, а Уолтер не выносит лжи и предлагает ему месяц обходиться без сладкого. А я сижу и думаю — Уол-тер, Уол-тер, это к добру не при-ве-дет, потому что Джоуи отвечает, что может год не есть сладкого, что больше никогда не будет есть сладкого, кроме как в гостях из вежливости. А этому, как ни странно, можно верить, потому что он настолько упрямый, что у него получится. И тут я вмешиваюсь и заявляю, что, мол, ребята, давайте не будем увлекаться, сладкое — это важная часть рациона, чем полностью подрываю авторитет Уолтера, а поскольку весь спор на самом деле касался его авторитета, я разрушаю все то, чего он успел добиться.

Другим человеком, безгранично любившим Джоуи, была Конни Монаган. Это была серьезная и молчаливая маленькая личность, имевшая неприятную привычку немигающе смот-

реть вам в глаза, как будто у вас с ней не было ровным счетом ничего общего. Конни стала неотъемлемым элементом кухни Патти в послеобеденные часы — она усердно скатывала тесто для печенья, прилагая столько усилий, что масло таяло и тесто начинало сверкать. За то время, что требовалось Конни для создания одного шарика, Патти делала одиннадцать, и, доставая готовое печенье из духовки, Патти всегда спрашивала у Конни разрешения съесть “самую выдающуюся” (маленькую, плоскую, жесткую) печенюшку. Джессика, на год старше Конни, была рада уступить кухню соседке и почитать или поводить со своими террариумами. Конни не представляла угрозы столь цельной и гармоничной личности, как Джессика. Конни не имела никакого понятия о цельности — в ней была глубина, но не ширина. Раскрашивая картинки, она заполняла одним цветом одну или две области и не прикасалась к остальным, оставаясь равнодушной к бодрым предложениям Патти взять другие фломастеры.

Сосредоточенность Конни на Джоуи быстро стала заметна всем матерям, кроме Патти: возможно, из-за того, что она сама была полностью им поглощена. В парке Линвуд, где Патти иногда устраивала для детей занятия гимнастикой, Конни в одиночестве сидела на траве и мастерила никому не нужные колечки из клевера, коротая время в ожидании того момента, когда Джоуи брал биты или бросал мяч, моментально привлекая ее внимание. Она походила на воображаемого друга, случайно обретшего видимость. Джоуи, с его не по годам развитым самообладанием, редко находил нужным обижать ее на глазах у его друзей, а Конни со своей стороны умела без всяких упреков или просьб исчезать, когда становилось очевидным, что мальчики хотят побыть в мужской компании. Она знала, что завтра будет новый день. На протяжении долгого времени у нее всегда была Патти, стоящая на коленях в огороде или висящая на стремянке в запачканной шерстяной рубашке, поглощенная сизифовым трудом восстановления краски викторианской эпохи. Если Конни не могла быть рядом с

Джоуи, она по крайней мере могла быть ему полезной, занимая его мать в его отсутствие.

— Как дела с уроками? — спрашивала Патти со стремянки. — Нужна помощь?

— Мама поможет мне, когда вернется.

— Она вернется поздно и будет усталой. Можно удивить ее и сделать все заранее. Хочешь?

— Нет, я подожду.

Никто не знал, когда точно Конни и Джоуи начали трахаться. Сет Полсен, не имея тому никаких доказательств, утверждал, чтобы позлить окружающих, что Джоуи в тот момент было одиннадцать, а Конни — двенадцать. Спекуляции Сета основывались на интимности, которую обеспечивал домик на дереве, построенный Уолтером и Джоуи на старой яблоне на пустующем участке напротив их дома. Когда Джоуи закончил восьмой класс, его имя стало постоянно звучать в ответах соседских мальчиков на натужно небрежные расспросы родителей о сексуальном поведении их одноклассников. Позже появилась версия, что Джессика к концу того лета уже о чем-то знала — внезапно и без видимых причин она стала очень презрительно обращаться с Джоуи и Конни. Но никто не видел их вместе до следующей зимы, когда они устроили совместный бизнес.

По словам Патти, урок, который Джоуи вынес из бесконечных споров с отцом, заключался в следующем: взрослые главнее детей, потому что у взрослых есть деньги. Это стало очередным подтверждением уникальности Джоуи: пока остальные матери жаловались на ту уверенность в своих правах, с которой их отпрыски требовали денег, Патти со смехом изображала горечь, с какой ее сын просил денег у Уолтера. Соседи, нанимавшие Джоуи, знали, как трудолюбиво он разгребает снег и убирает листья, но Патти рассказывала, что в душе он ненавидит ту мелочь, которую ему за это платят, и считает, что расчищая для взрослого подъездную дорожку, он попадает в нежелательную зависимость от этого взрослого.

Нелепые схемы добывания денег предполагали распространение подписки на скаутские журналы, демонстрацию фокусов за деньги или изучение основ таксидермии и набивку соседских призовых судаков — все это пахло либо вассальной зависимостью (“Я — чучельник для правящего класса”) или, хуже того, благотворительностью. Поэтому, стремясь освободиться от Уолтера, он неизбежно пришел к предпринимательству.

Кто-то — может, даже сама Кэрол Монаган — оплачивал учебу Конни в маленькой католической школе имени Святой Катерины, где девочки носили форму и где любые украшения были под запретом — разрешались только одно кольцо (“простое, металлическое”), одни часы (“простые, без камней”) и одна пара сережек (“простые, металлические, не более полудюйма в диаметре”). Одна из популярных девятиклассниц из школы Джоуи привезла из дома в Нью-Йорке дешевенькие часы, которые произвели фурор во время перерыва на обед. Продавец с Канал-стрит по просьбе девочки напечатал крохотными розовыми буквами на их жвачкоподобном желтом браслете цитату из песни Pearl Jam — *Не называйте меня доченькой*. Как Джоуи позже написал во вступительном сочинении в колледж, он немедленно выяснил, где такие часы продаются оптом и сколько стоит термопресс. Он вложил в оборудование накопленные четыреста долларов, сделал Конни пластиковый браслет-образец (*к траху готова*, гласил он) и, используя ее в качестве курьера, снабдил часами добрую четверть ее товаров, беря с них по тридцать долларов за штуку, прежде чем монахини спохватились и запретили носить часы с надписями. Как рассказывала Патти остальным матерям, Джоуи, естественно, воспринял это как грубое нарушение своих прав.

— Это не нарушение прав, — сказал ему Уолтер. — Ты зарабатывал на искусственном ограничении торговли. Что-то я не заметил, чтобы ты жаловался на правила, пока они работали на тебя.

— Я сделал вложение. Я рискнул.

— Ты использовал дырку в правилах, и они ее прикрыли. Разве ты этого не предвидел?

— Почему ты меня не предупредил?

— Я тебя предупреждал.

— Ты говорил, что я могу потерять деньги.

— А ты их и не потерял. Ты просто заработал меньше, чем хотел.

— Эти деньги должны были мне достаться.

— Джоуи, зарабатывать деньги — это не право. Ты продавал ерунду, которая на самом деле не была нужны этим девочкам и которую некоторые из них не могли себе позволить. Именно поэтому в школе Конни носят форму — это справедливо по отношению ко всем.

— Ко всем, кроме *меня*.

Из того, как Патти рассказывала об этом разговоре, посмеиваясь над невинным возмущением Джоуи, Мерри Полсен было ясно, что Патти по-прежнему не знает, чем ее сын занимается с Конни Монаган. Чтобы удостовериться, Мерри закинула удочку. Что, по мнению Патти, Конни получила за свои труды? Она работала за процент?

— Да, мы сказали ему, что он должен отдать ей половину заработка, — ответила Патти. — Но он бы и так это сделал. Он всегда ее защищал, хотя он младше.

— Он ей как брат...

— Вообще-то нет, — шутливо сказала Патти. — Он гораздо лучше. Спросите Джессику, каково быть его сестрой.

— Ха-ха, и правда, — ответила Мерри.

Позже Мерри заметила Сету:

— Потрясающе, она и в самом деле не в курсе.

— Я думаю, это неправильно, — заявил Сет, — радоваться незнанию подруги. Тебе не кажется, что ты искушаешь судьбу?

— Извини, просто это очень смешно, прямо восхитительно. Тебе придется не злорадствовать за двоих, чтобы судьба нас не покарала.

— Жалко ее.

— Прости уж, но, я нахожу это забавным.

К концу той зимы мать Уолтера упала в обморок в магазине дамской одежды в Гранд-Рэпидс, где она работала. Причиной тому, как выяснилось позже, была легочная эмболия. Барьер-стрит была знакома с миссис Берглунд — та приезжала на Рождество, на дни рождения детей и на свой собственный день рождения. В этот день Патти всегда водила ее к местной массажистке и угощала лакрицей, макадаммийскими орехами и белым шоколадом — ее любимыми лакомствами. Мерри Полсен беззлобно называла ее “мисс Бьянкой” — в честь почтенной госпожи мыши из детских книжек Марджери Шарп. На ее морщинистом лице виднелись следы былой красоты, у нее дрожала челюсть и руки, одна из которых была изуродована перенесенным в детстве артритом. Уолтер с горечью говорил, что она была истощена, измотана тяжелой жизнью с его пьяницей отцом и работой в придорожном мотеле близ Хиббинга. Но, овдовев, она твердо намеревалась сохранять независимость и элегантность, и продолжала ездить на стареньком “шевроле-кавалере” в магазин одежды. Узнав о ее обмороке, Патти и Уолтер поспешили на север, оставив Джоуи под присмотром преисполненной презрения старшей сестры. Последовавший подростковый трахомарафон, который Джоуи провел в своей спальне при полном попустительстве Джессики, закончился с внезапной смертью и похоронами миссис Берглунд, после чего Патти стала совсем другой соседкой, гораздо более саркастичной.

— О, Конни, — говорила она теперь. — Такая милая девочка, такая тихая безобидная девочка, с такой прекрасной матерью. Говорят, у Кэрол новый парень, такой мачо, вдвое ее младше. Ужасно будет, если они переедут, ведь Кэрол просто внесла в нашу жизнь новые краски! А как я буду скучать по Конни. Ха-ха. Такая тихая, милая, благодарная девочка.

Патти выглядела ужасно — осунувшаяся, невыспавшаяся, с посеревшим лицом. Ей потребовалось много времени, что-

бы начать соответствовать своему возрасту, но теперь Мерри Полсен наконец-то была вознаграждена за долгое ожидание.

— Теперь она все знает, — сказала Мерри Сету.

— Украли ее детеныша — самое тяжкое преступление.

— Украли, точно. Бедненький невинный безупречный Джоуи похищен злым гением из соседнего дома.

— Ну, она на полтора года старше.

— Технически.

— Говори что хочешь, — сказал Сет, — но Патти и правда любила маму Уолтера. Ей будет нелегко.

— Да знаю я, Сет, знаю. И теперь мне и правда ее жаль.

Те соседи, которые общались с Берглундами ближе, чем Полсены, сообщили, что мисс Бьянка оставила свою мышиную норку на берегу небольшого озера близ Гранд-Рэпидс Уолтеру, но не двум его братьям. По этому поводу между супругами произошло небольшое разногласие: Уолтер хотел продать дом и поделить выручку с братьями, Патти настаивала, что он должен уважить желание матери вознаградить своего лучшего сына. Младший брат был военным и жил на авиационной базе в пустыне Мохаве; старший же посвятил свою жизнь не в меру энергичной реализации питейной программы отца, вытягивая деньги из матери, в остальном же — полностью ею пренебрегая. Каждое лето Уолтер и Патти на недельку-другую отвозили детей к его матери, часто прихватывая с собой пару подружек Джессики, впоследствии отмечавших, что хотя там “лес и глушь, но мошкары не так уж и много”.

Видимо, стремясь угодить Патти, которая, похоже, сама начала неумеренно пить (когда по утрам она забирала газеты — “Нью-Йорк таймс” в синей упаковке и “Стар трибьюн” в зеленой, — ее лицо напоминало пятно от шардоне), Уолтер в результате согласился оставить себе дом, чтобы проводить там отпуск. В июне, когда школьным занятиям пришел конец, Патти отвезла Джоуи на север, чтобы он помог ей опустошить шкафы и вымыть и перекрасить дом. Джессика тем вре-

менем оставалась с Уолтером и посещала дополнительные занятия по поэзии.

Некоторые соседи — Полсены не входили в их число — возили сыновей тем летом в домик у озера. Они обнаружили, что Патти изрядно приободрилась. Один из отцов втайне описал ее Сету — босую, загорелую, в черном купальнике и джинсах, — и этот образ пришелся Сету по душе. Прилюдно же все отмечали заботливость и беспечность Джоуи и то, как хорошо им с Патти вместе. Всех приезжающих они немедленно втягивали в некую сложную салонную игру, которая называлась “Ассоциации”. Патти допоздна сидела перед свекровинным телевизором, развлекая Джоуи глубокими познаниями в ситкоммах шестидесятых–семидесятых годов. Джоуи, обнаружив, что их озеро не обозначено на карте — на самом деле это был огромный пруд, на берегах которого разместились два дома, — окрестил его Безымянным, и Патти нежно и сентиментально говорила о “нашем Безымянном озере”. Узнав, что Джоуи допоздна прочищает водостоки, стришет кусты и отскребает старую краску, Сет Полсен задался вопросом, не платит ли Патти сыну за работу. Но этого никто не знал.

Что же касалось Конни — выглядывая из окна, выходявшего на дом Монаганов, Полсены почти всегда заставляли ее в ожидании. Она и в самом деле была очень терпеливой девочкой, а обмен веществ у нее был как у рыбы зимой. По вечерам она убирала со столов в заведении “В. А. Фрост”, но все остальное время в будние дни сидела на крыльце, наблюдая за проезжающими мимо тележками с мороженым и играющими детьми, а в выходные — в шезлонге, поглядывая на шумную и яростную рубку деревьев и стройку, которую Блейк, новый парень ее матери, затеял вместе со своими не состоящими в профсоюзе дружками. В основном она просто ждала.

— Что новенького, Конни? — спрашивал ее Сет через забор.

— Не считая Блейка?

— Да, не считая Блейка.

Поразмыслив немного, Конни качала головой:

— Ничего.

— Скучаешь?

— Да нет.

— А в кино ты ходишь? Книжки читаешь?

Конни смеривала Сета своим немигающим взглядом, говорившим: “У нас нет ничего общего”.

— Посмотрела “Бэтмена”.

— А Джоуи? Вы такие закадычные друзья, скучаешь, наверно, по нему.

— Он вернется, — отвечала она.

Когда дело о сигаретных бычках осталось в прошлом (Сет и Мерри признали, что, возможно, преувеличивали значимость горы окурков в бассейне и реагировали чересчур эмоционально), Полсены обнаружили в Кэрол Монаган неистощимый источник знаний о местной демократической политике, которой Мерри увлекалась все сильнее и сильнее. Кэрол между делом рассказывала жуткие истории о коррупции, подкупах, мошеннических сделках, дырах в системе безопасности, нечистых расчетах и явно тащилась от ужаса Мерри. Сама Мерри стала ценить Кэрол как живое воплощение городского упадка, с которым она намеревалась сразиться. В Кэрол восхищало то, что она как будто никогда не менялась — год за годом все так же наводила по четвергам марафет бог знает для кого, поддерживала неандертальские традиции в городской политике.

Но однажды она изменилась. В то время менялось все вокруг. Мэр города, Норм Коулман, обратился в республиканца, а бывший борец-профессионал нацелился на губернаторскую резиденцию. В случае с Кэрол катализатором послужил ее новый парень, Блейк, молодой козлотородый экскаваторщик, которого она встретила в бюро по выдаче водительских прав и ради которого она радикально изменилась. Сложные прически и шлюховатые платья ушли в прошлое, на смену им пришли удобные штаны, простая взлохмаченная стрижка и

более скромный макияж. Новая, счастливая Кэрол радостно выпрыгивала из блейковского пикапа и с грохотом захлопывала за собой дверь. Вскоре Блейк стал ночевать у нее, шляться по округе в майке “Викингов”, незашнурованных рабочих ботинках и с банкой пива в кулаке, а затем принялся спиливать деревья на заднем дворе и орудовать взятым напрокат экскаватором. На его бампере красовалась надпись, гласившая: я БЕЛЫЙ, и я ГОЛОСЮ.

Полсены, недавно закончившие затяжной ремонт, не спешили жаловаться на шум и беспорядок, Уолтер был либо слишком занят, либо чересчур любезен, чтобы протестовать, но когда в конце августа, после двухмесячного отпуска, проведенного с Джоуи, вернулась домой Патти, ее отчаянию не было предела — она с выпученными глазами носилась по улице, от двери к двери, кляня Кэрол Монаган.

— Простите, что тут происходит? Может кто-нибудь сказать мне, что случилось? — вопрошала она. — Кто-то объявил войну деревьям? Что это за Пол Баньян на грузовике? В чем дело? Она уже не снимает этот дом? Разве можно вырубать деревья на съемной территории? Разве можно сносить стену дома, который тебе не принадлежит? Она что, втайне купила дом? Как ей это удалось? Она же лампочку не может сменить без моего мужа! “Уолтер, прости, что отрываю от ужина, но у меня свет не включается, может, придешь прямо сейчас? Раз уж ты здесь, дорогой, можешь разобраться с моими счетами? Их надо оплатить до завтра, а у меня еще ногти не высохли”. Как ей дали кредит? Она же еще счета из “Виктория сикрет” не оплатила! Как ей разрешили завести парня? У нее же был какой-то толстяк в Миннеаполисе! Может, дать весточку толстяку?

Ответы на свои вопросы Патти получила лишь у Полсенов, значившихся в самом конце ее соседского списка. Мерри объяснила, что Кэрол Монаган уже не снимает дом. Ее дом входил в число тех, которые жилищное управление приобрело в годы кризиса и теперь распродало по дешевке.

— Почему я ни о чем не знала?

— Ты не спрашивала, — ответила Мерри и, не удержавшись, добавила: — Ты вроде бы никогда не интересовалось политической.

— Говоришь, она дешево его купила.

— Очень дешево. Главное — иметь связи.

— И что ты об этом думаешь?

— Отстойно, что ж тут думать, — сказала Мерри. — Потому я и работаю с Джимом Шибелем¹.

— Я всегда так любила наш район. Мне всегда здесь нравилось, даже в самом начале. А теперь все кажется каким-то грязным и мерзким...

— Не унывай, участвуй! — заявила Мерри и снабдила Патти рядом соответствующих книжек.

— Не хотел бы я оказаться на месте Уолтера, — заметил Сет, когда Патти ушла.

— Рада слышать, — ответила Мерри.

— Мне показалось, или у нее промелькнула нотка недовольства супружеской жизнью? Насчет того, что он помогал Кэрол со счетами... Ты что-нибудь об этом знаешь? Очень любопытно. Я об этом не слышал. А тут он еще не сумел сбересть прекрасный вид на деревья Кэрол.

— Это все рейганистская отсталость, — сказала Мерри. — Она думала, что сможет жить в своем пузырьке, в своем маленьком мирке. Кукольном домике.

Новое сооружение во дворе Кэрол, выроставшее на протяжении следующих девяти месяцев на месте грязного пустыря, напоминало гигантский лодочный сарай с тремя слепыми окнами, терявшимися на фоне виниловой обшивки. Кэрол и Блейк называли его “залой” — этот термин впервые прозвучал на Барьер-стрит. Помня о проблеме сигаретных бычков,

¹ Джеймс Шибель — американский политик-демократ, в 1990–1994 гг. — мэр Сент-Пола.

Полсены обзавелись высокой изгородью и высадили вдоль нее декоративные ели, которые разрослись и закрыли им обзор. Полную видимость, таким образом, имели только Берглунды, и вскоре произошло то, чего раньше никогда не бывало, — соседи начали избегать Патти, потому что она совершенно заиклилась на “этом ангаре”. Они махали ей и здоровались издали, но не замедляли шаг, чтобы не оказаться втянутыми в разговор. Работающие матери пришли к выводу, что у Патти слишком много свободного времени. Раньше она отлично управлялась с детьми, учила их физкультуре и рукоделию, но теперь большинство соседских детей выросло. Как бы она ни пыталась занять себя, ей все равно было видно и слышно, что творится по соседству. Каждые пару часов она выходила из дома и мерила шагами задний двор, поглядывая на “залу”, как встревоженный зверь, которого выкурили из норы, а вечерами то и дело принималась колотить во временную фанерную дверь залы.

— Как дела, Блейк?

— Отлично.

— Даже не сомневаюсь! Слушай, тебе не кажется, что циркулярная пила — это чересчур для половины девятого вечера? Как насчет того, чтобы сделать перерыв до завтра?

— Это вряд ли.

— А если я просто попрошу перестать?

— Не знаю. Лучше оставь меня в покое.

— Вообще-то нам мешает шум.

— Что я могу сказать — очень жаль.

Патти отвечала взрывом резкого, непроизвольного хохота, похожего скорее на ржание.

— Очень жаль?

— Извини за шум. Кэрол рассказывала, что вы пять лет шумели, пока ремонтировали дом.

— Не припомню, чтобы она жаловалась.

— Вы делали то, что вам было нужно. Теперь я делаю то, что нужно мне.